

Телодержатель
Евгений Охлопков

МАРИНА СЕРОВА

Менеджер
по чудесам

Марина Сергеевна Серова
Менеджер по чудесам
Серия «Телохранитель
Евгения Охотникова»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167020
Менеджер по чудесам: Эксмо; М.: 2005
ISBN 5-699-17709-4*

Аннотация

Талантливый программист Вячеслав Конышев работает над изобретением нескрываемых кодов, которые станут костью в горле у хакеров – ставленников мафии. На Вячеслава совершено уже несколько покушений. В результате одного из них он ослеп. Бодигард Женя Охотникова должна не только охранять ученого, но и служить ему поводырем. Одним словом, дело хлопотное! К тому же, интеллектуал Конышев прекрасно понимает, что его могущественные преследователи, привыкшие беспрепятственно пользоваться секретной информацией, не успокоятся никогда, и он обречен. Однако Охотникова не дает Вячеславу отчаиваться, у нее есть простая, но гениальная идея, как надуть отцов города...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	32
Глава 3	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Марина Серова

Менеджер по чудесам

Глава 1

Вам когда-нибудь доводилось видеть собаку-поводыря? Полагаю, что нет, а если и приходилось, то немногим. Но вы можете нарисовать ее в своем воображении и даже наверняка уже успели себе представить нечто лохматое, зубастое и на длинном поводке. Вот и не угадали! Тем более что такую функцию может выполнять и человек, особенно такой, как я. А что вы хотели? Работа телохранителя очень даже напоминает собачью. Я, как и наши четырехлапые друзья, призвана охранять своего, благо не хозяина, а только лишь нанимателя, слепо следуя за ним повсюду, куда заблагорассудится отправиться его душеньке. Ну чем не собака-поводырь?

И ведь, что самое забавное, мне никогда раньше не приходилось в прямом смысле слова ощущать себя именно в этой роли, хотя я к тому и очень близка. А сейчас вот я вынуждена быть вторыми глазами человека, для которого нанята, и за гарантию безопасности которого мне заплатили немислимую сумму в качестве аванса. Правда, непонятно, кто конкретно из нас двоих в данном случае выступает слепцом. Телохранитель, безоговорочно следующий за клиентом, или же

сам клиент, тем более что у него и впрямь самая настоящая беда со зрением?

Вам все это может показаться забавным, а мне действительно случилось поработать на слепого дядьку. Впрочем, для такого определения он слишком молод. Этакий, знаете ли, симпатяга с внешностью Тома Круза, лет тридцати с длинным хвостиком, в модном прикиде, подтянутый, энергичный, вечно улыбающийся и довольный жизнью, несмотря на то что большая ее часть протекает в совершеннейшей темноте. По всем параметрам личность незаурядная и амбициозная, а главное – полная оптимизма.

А началось все довольно просто и до безобразия банально. В дверь моей квартиры позвонили, и, как положено приветливой хозяйке, я отправилась открывать...

Впрочем, не стану опережать события и начну рассказ с самого начала: так, как оно и происходило.

На дворе бушевала непогода – лил мелкий, препротивный дождь, дул сильный порывистый ветер, успевший за пару часов поносить все то, что плохо лежало, и переломать немало деревьев. Синоптики уныло предрекали, что такая погода продлится еще как минимум несколько дней, так что радоваться особенно было нечему. Прекрасно понимая, что точный прогноз на завтра можно узнать лишь послезавтра, большинство надеялось на изменения к лучшему. Но вот я, Евгения Максимовна Охотникова, отчего-то в себе такого оптимизма не чувствовала.

В данную минуту я как раз вела со своей любимой тетушкой Милой, с которой, собственно, и проживала, жаркую дискуссию по поводу того, что чудес на свете не бывает. Тетушка же, раскрасневшись и взмокнув от собственного рвения, пыталась убедить меня в обратном, яростно доказывала:

– Чудеса есть, просто мы давно уже разучились их замечать!

– Ну, раз они есть, то покажи мне хоть одно, – игриво попросила я, подтрунивая над теткой, которая зачем-то прицепилась к моему вздоху: «жаль, что чудес не бывает», относительно не прекращающегося вторые сутки мелкого и противного дождичка. Он порядком мне надоел и буквально застопорил все планы на выходные, заставив распрощаться и с мечтами о пляже, и о поездке вместе с Борисом Расторгуевым на шашлыки.

– Ха, покажи! – эмоционально взмахнула руками тетя Мила. – Вот выдумала: я тебе что, волшебник какой? И потом, чудесами распоряжаются высшие силы, а не люди.

– Что-то бестолково они ими как-то распоряжаются, – сидя на подоконнике и вновь выглянув в окно, заметила я. – Или не видят, что такая погода портит нам жизнь?

– Чудо не может случаться по заказу, иначе оно перестанет быть чудом, – вновь произнесла тетушка. – Так же, как и бог, опекающий и отводящий беду постоянно, делающий то, что нам угодно, – это уже не бог. Это... это... – тетя Мила

не находила подходящих слов.

– Сатана, – подсказала я ей, усмехнувшись.

– Возможно, что и сатана, – отведя взгляд в сторону, согласилась тетя Мила. – Только он может исполнять все желания подряд, тем более что они приводят вовсе не к долгожданному счастью, а к беде. Не помню, кто сказал, но: «Если бы все было так, как мы хотим, то давно бы уже ничего не было».

– Ладно, сдаюсь, – решила больше не подначивать ее я, но тут же тихо добавила: – А вообще-то, мне лично все равно, бог или черт чудесами распоряжается, лишь бы поскорее этот слякотный дождь закончился. Видеть его не могу.

Вдруг послышался звонок в дверь.

Тетушка Мила удивленно взглянула на меня и спросила:

– Ты кого-то ждешь?

– Шутишь, я никого не приглашала, – также удивившись, кто же это в такую погоду решился к нам заглянуть, откликнулась я.

– Ну так спроси, кто там, – махнула в сторону двери рукой тетя Мила и поправила сползшие на нос очки.

– А почему сразу я?

– Потому, что только к тебе могут явиться в такую непогоду, – уверенно заявила тетка. – Иди, иди, не заставляй человека ждать.

Вздохнув, я прыгнула с подоконника и нехотя поплелась к входной двери. В сущности, мне было безразлично, кто за

ней стоит. Одно я знала наверняка: в такую погоду я носа никуда не высуну. Вот еще, мокнуть ради каких-то нескольких тысяч, а затем тратить еще больше на собственное лечение. Вот выглянет солнышко, все вокруг подсохнет, тогда пожалуйста.

Ничего не спрашивая у непрошенных гостей по ту сторону двери, я быстро щелкнула замком и резко распахнула дверь, едва не зацепив ею визитеров. От неожиданности те в первую минуту слегка растерялись, но затем быстро взяли себя в руки и уставились на меня. Мужчин было двое, и оба они тщательно просканировали мою фигуру и лицо, ничего при этом не говоря. Это длилось минуты три подряд, и нервничать теперь уже начала я.

Даже оглядела себя сверху вниз, не совсем понимая, что же их в моей скромной персоне так заинтересовало. Одетая вроде бы прилично – в бежевую футболку навыпуск и синие, слегка потертые джинсы-клеш; умыться тоже, кажется, с утра не забыла, да и волосы торчать не должны. Чего ж тогда они на меня так вытаращились, будто я не человек, а неведома зверушка какая-то?

– Э-э, ребята, – поводила я рукой перед остолбеневшими мужчинами. – Вы что, не по адресу попали? Так, может, надо было сначала поинтересоваться...

– Вы Евгения Максимовна Охотникова? – проигнорировав мой вопрос, полюбопытствовал один из гостей, высокий мужчина с редкими волосами, в больших очках в дорогой

оправе, удобно разместившихся на его длинном прямом носу. Одет он был по-деловому: черный костюм, белая рубашечка, лакированные ботинки, как ни странно, не заляпанные уличной грязью в такую слякотную погоду. Хотя, если предположить, что сей гость прибыл на машине, тогда все легко объясняется. К тому же в руках у него я заметила сложенный зонт, с которого стекала на пол дождевая вода, а значит, по улице посетитель все-таки прошелся.

А вот на плечи его товарища восточной внешности был накинут плащ. Длинный, кожаный и, очевидно, весьма дорогой. Да и остальная его одежда выглядела вполне респектабельно: белые ботиночки – и это в такую-то погоду! – белоснежная рубашечка с позолоченными пуговками, бежевые брючки прямого кроя, внушительного размера животик. Одним словом, весьма распространенный для нашей местности – а Тарасов – обетованный город для разномастных горных джигитов, не прижившихся у себя на родине, – тип состоятельного армянина. Кстати, восточные мужчины чаще отдают предпочтение светлым вещам, нежели наши соотечественники, привыкшие ко всему темному и менее маркому.

– Ну да, Евгения Максимовна – это действительно я, – смерив обоих мужчин оценивающим взглядом и прикинув масштаб их состоятельности, подтвердила я.

Мужчины вопросительно переглянулись, а затем тот, что в очках, добавил:

– В таком случае разрешите представиться – Кононов...

– Извините, что перебиваю, – прервала я его на полуслове, – но, может быть, вы пройдете в квартиру? Лестничная площадка – не место для деловых бесед. А у нас, судя по всему, намечается именно такая.

Возражений не последовало, и оба гостя переместились в коридор моей квартиры. Затем разулись и, как гуси, выстроившись один за другим, важно зашагали за мной в гостиную. Я попросила тетю Милу сделать нам кофе, а сама разместилась в одном из кресел, приготовившись вникнуть в проблемы этой парочки. Господин Кононов, пока еще не знаю, как его по имени-отчеству, закашлялся, а затем продолжил прерванный процесс знакомства. Неловко поерзав на диване, он заново представился:

– Кононов Олег Ефимович, директор научно-исследовательского центра разработок компьютерной техники.

– Манукян Меясар Башхоевич, – сам представил себя другой. – Заместитель министра по финансам нашей области.

Я бы ни за что не рискнула воспроизвести названное словосочетание, так как в первую минуту мне показалось, что это набор каких-то иностранных слов, а не человеческое имя. Единственное, что поняла достаточно четко, так это то, что гости у меня сегодня не шуточные, а стало быть, и сделка намечается серьезная. Пришлось изобразить особую сосредоточенность и спросить:

– Что же вас привело ко мне?

Заговорил этот, со сложногорбленной фамилией и

непроизносимыми именем-отчеством:

– У нас проблема. Проблема почти мирового значения, – произнес он без какого-либо акцента, что указывало на то, что в России он провел большую часть своей жизни, а может, и вовсе тут родился. – Эта проблема возникла с началом компьютеризации страны, а теперь достигла своего пика.

В комнату вошла тетушка Мила, молча поставила перед гостями поднос с кофе, а затем так же молча удалилась. Она хоть и крайне любопытна, но никогда не позволяет себе вмешиваться в мои разговоры с клиентами, предпочитая выспросить подробности после их ухода. А вот подслушивать все же иногда подслушивает.

– Проблема эта состоит в сохранности секретной информации, хранящейся в компьютерах государственных и финансовых учреждений, – продолжал между тем мужчина. – Информацию необходимо защищать от различного рода разрушающих вирусов, а также беречь от взлома сами инфосистемы и не допускать утечку данных. Из года в год различные финансовые учреждения страдают от злоумышленников, взламывающих базы данных банковских счетов и провоцирующих с ними различные махинации. За один только последний месяц со счетов различных банков исчезло около четырех миллионов – и это без учета происходящего в столице.

– Абсолютно ничего не понимаю, – призналась я честно. – При чем тут я и компьютеры? Похоже, вам нужно не ко мне,

а к какому-нибудь хакеру-виртуозу, что ли, – посоветовала я.

Кононов улыбнулся и отрицательно закачал головой:

– Нет, нет, хакеры нам не помогут. Скорее уж именно от них, этих самых «мышей», и нужно очистить город, да и страну тоже. Используя вирусы, они выводят из строя программы государственного значения, просматривают файлы с номерами кредитных карточек миллионеров, несанкционированно влезают в правительственные компьютерные системы. Известен даже случай, – эмоционально жестикулируя, разошелся Кононов, – когда хакеры предлагали свои услуги Саддаму Хусейну, обещая за миллион долларов вывести из строя компьютеры, задействованные в военных операциях в Персидском заливе. Вы себе представляете, к чему все это может привести? Начнется самая настоящая война, война без выстрелов и убийств. Достаточно лишь вывести из строя телефонную систему противника, затем систему управления перевозками и, наконец, финансовую. И все, конец целому государству.

– И вот сейчас у нас появился человек, способный предотвратить все это, – прервал пылкую речь Олега Ефимовича его товарищ с кавказской внешностью. – Продвинутый программист и талантливый ученый, создающий уникальные защитные программы, сумевший определить слабые места самих компьютеров и знающий, как усовершенствовать их.

– Ну так и работайте с ним, – пожав плечами, заметила в ответ я, до сих пор не уразумев, чего же от меня хотят. –

Пусть он и обезвреживает ваши вирусы, если знает, как это делать. Я-то тут при чем?

– Он и весь персонал нашего исследовательского центра этим как раз и занимались, – принял эстафету Кононов, поправив очки. – Мы уже почти создали невскрываемый код, способный стать костью в горле для различных компьютерных террористов, шпионов и хакеров-малолеток. Данные такой коммуникационной системы не могут быть перехвачены в принципе, так как в квантовой криптографии, взятой нами за основу, для кодирования нулей и единиц используется изменение поляризации фотонов, – зачем-то начал объяснять мне тонкости процесса Олег Ефимович. Хотя я и без того не– плохо жила и, думаю, продолжала бы жить, не забивая голову ненужными чудесами современной техники. – Таким образом, – не умолкал Кононов, – любая попытка перехвата потока фотонов приводит к изменению их поляризации. Как только управляющая система регистрирует это, то тут же аннулирует перехваченный ключ и вместо него генерирует новый.

– И что? – переспросила я вяло, будучи не слишком сведущей в точных науках, так, из чувства уважения к клиенту.

Олег Ефимович вздохнул:

– К сожалению, все наши разработки в одно мгновение испарились, не оставив и следа. То крыло, где велась работа над созданием подобной системы, было взорвано. Сгорела вся техника, документация, погибли люди. Теперь... – голос

Кононова задрожал, – необходимо начинать все заново, почти с нуля.

Поняв, что его товарищ не в состоянии продолжать, кавказец, как я прозвала его про себя для удобства, перехватил инициативу и продолжил:

– Как вы и сами, наверное, понимаете, бросить все на полпути нельзя, работу необходимо возобновить. И мы готовы к этому, и даже правительство столицы согласно спонсировать проект, но... – мужчина сделал паузу, – есть некоторые проблемы. Дело в том, что почти все разработчики погибли при взрыве. Выживших немного, да к тому же у большинства из них травмы серьезного характера и, скорее всего, они не смогут продолжить работу. Отчасти нам повезло, так как среди счастливиц оказался главный координатор проекта Конышев Вячеслав Евгеньевич. Без него возврат к работе был бы в принципе невозможен. К сожалению, компьютерные террористы и мафиозные структуры, заинтересованные в получении от них конфиденциальной информации, не желают мириться с возобновлением работ и уже несколько раз посягали на жизнь Вячеслава Евгеньевича. Они понимают, что, убив его, надолго приостановят создание программы нескрываемых кодов, а значит, наворуют еще не один миллион и провернут не одну махинацию.

– Насколько я понимаю, охрану Конышева вы намереваетесь поручить мне?

– Совершенно верно, – сдержанно кивнул кавказец. – Нам

бы хотелось нанять вас в качестве телохранителя Вячеслава Евгеньевича.

– А почему именно меня? – не удержавшись, все же поинтересовалась я, осознавая, что дело серьезное и кому попало его не поручат.

– Мы навели о вас справки. Исходя из полученных сведений, вы лучшая из всех, кого нам предложили, – ответил Олег Ефимович. – Во-первых, вы получили достойную профессиональную подготовку, а брать на работу дилетантов – бывших военных или обычных охранников – в данном случае слишком опасно. Во-вторых, о вас великолепные отзывы: ответственная, неподкупная, решительная – это как раз то, что нам надо. И, наконец, вы ни разу не оплошали и не потеряли доверившегося вам клиента. На что мы надеемся и сейчас.

Я не слишком суеверна, но все же постучала по деревянной крышке стола, пробормотав:

– На всякий случай, чтобы не сглазить.

– Так вы согласны взяться за эту работу на тот период, пока наша доблестная милиция ведет охоту на компьютерных террористов? – спросил заместитель министра по финансам. – На оплату, как вы уже, наверное, поняли, государство не поскупится. Мы даже готовы выдать вам в качестве аванса некоторую сумму.

Без какого-либо энтузиазма я глянула за окно: дождь как лил, так и продолжал лить, не собираясь заканчиваться в

ближайшее время.

– Вы не ответили. Беретесь за это дело? – повторил свой вопрос кавказец.

При этом он уже достал из кармана увесистый бумажник и, вытащив из него несколько стодолларовых купюр, небрежно зажал в руке, не выкладывая пока на стол. Я едва не выругалась, понимая, что меня просто дразнят большими деньгами. Понять-то поняла, но не удержалась от соблазна и, тягостно вздохнув, обреченно произнесла:

– Хорошо, я возьмусь за охрану вашего ученого.

– Вот и замечательно, – облегченно выпалил Кононов и заметно расслабился.

Его же товарищ передал мне «приманку» и, как бы к слову, добавил:

– Ах да, забыли упомянуть – клиент пострадал при взрыве. Он лишился зрения, и вам, возможно, придется совмещать работу телохранителя с работой поводыря. Впрочем, эти неудобства мы вам обещаем материально компенсировать.

«Забыли упомянуть? Да это же кардинально меняет суть дела!» – хотела было воскликнуть я, но отчего-то промолчала. Может быть, меня заставили сдержаться добавленные купюры, может быть, мой взор затуманился из-за зеленого цвета ценных бумаг. Не знаю. А эти двое, словно заранее уверенные в благоприятном исходе, покровительственно смотрели на меня и радовались. И черт бы их обоих побрал!

Конышев Вячеслав Евгеньевич, с которым меня познакомили на следующее же утро, оказался мужчиной весьма интересным, как внешне, так и внутренне. Широкие темные очки, полностью скрывавшие глаза, вовсе не портили его, а скорее добавляли таинственности и слегка интриговали собеседников, вынужденных терзаться вопросом, о чем же думает этот красавец мужчина и правду ли говорит. Способствовала тому и улыбка. Легкая, игривая, она часто появлялась на лице Конышева. Казалось, Вячеслав улыбается своим мыслям.

Когда нас познакомили, Конышев протянул ладонь мне навстречу, а когда я положила на нее свою, поднес ее к губам и, поцеловав, произнес:

– Я почти уверен, что она красива.

– Не более, чем ваша жена, – отшутился Олег Ефимович. А именно он выписал мне пропуск в институт и встретил на проходной.

Но Вячеслав Евгеньевич продолжил расспрашивать:

– Какого цвета у нее глаза и волосы? Какую прическу носит? Я хочу знать.

Олег Ефимович вздохнул. Догадавшись, что ему не слишком хочется меня описывать, я жестом дала ему понять, что как-нибудь справлюсь сама, он же может идти, а затем отве-

тила:

– Я высокая, хорошо сложена, стригусь коротко. Волосы цвета спелого каштана. Глаза, как мне говорят, вообще цвета неопределенного – постоянно меняются, в зависимости от настроения. Губы пухлые, нос маленький. Вот и весь портрет!

Вячеслав вновь загадочно улыбнулся:

– Действительно красивая. А у вас есть семья: муж, дети?

– Нет.

– И квартиры собственной, наверное, тоже нет, – как-то устало вздохнув, добавил мой собеседник.

– Ну, пока еще нет, я живу с...

– Что ж, я был почти уверен, что вы из отряда приматов, – полуутверждающе протянул одному ему понятную фразу Конышев, даже не дослушав меня.

– А кто это? – глупо переспросила я.

– Приматы? – удивился моей неграмотности клиент, и уголки его губ озорно приподнялись вверх в легкой усмешке. – Это, девочка моя, те, у кого в графе семейного положения написано «холост», иными словами, одиночки, живущие под одной крышей с матерью. Из самой формулировки возникает термин: «приматы», то есть люди, живущие при матери, в тепличных условиях, наполненных заботой и опекой.

– В таком случае боюсь, что я все же не из их числа, – заметила я. – Я живу не с матерью, а с тетей Милой, и о тепличном образе жизни мне, при моей-то работе, остается только

мечтать.

Вячеслав рассмеялся:

– Скорее всего, вы правы. И все же я чувствую, что вы одиноки, у вас нет рядом близкого человека, с которым вы могли бы поделиться самым сокровенным, на плече которого всплакнуть, если вдруг приведется. Одиночество – штука, конечно, хорошая, но убийственная. Поверьте мне, Евгения.

Не стала спрашивать, откуда он узнал, что я действительно по природе своей волк-одиночка. Тем более что не раз слышала о том, что у людей, лишенных зрения, обычно обостряются остальные чувства: осязание, вкус, слух, наконец интуиция. Они порой чувствуют больше, чем мы видим.

– Ну так что, Евгения Максимовна, – распорядился Кобышев через минуту, – ведите меня.

– Куда? – удивилась я.

– В отдел квантовой криптографии. Второй этаж, кабинет сорок четыре, – объяснил Вячеслав.

Я взяла его под руку, и мы двинулись по направлению к лифту. А так как идти молча было как-то неловко, я попросила:

– Расскажите мне о себе.

– А что рассказывать, моя жизнь куда беднее на события, чем ваша. Это вам постоянно приходится кидаться из огня да в полымя, кого-то спасать, защищать, оберегать. А моя сфера деятельности ограничивается всего лишь офисом и компьютером. Про таких, как я, говорят – чокнутые. Воз-

можно, так оно и есть, хотя мне нравится моя работа.

– А как вы к этому пришли? Как поняли, что хотите стать исследователем в этой области? – нажимая нужную кнопку лифта, озадачила я Конышева новым вопросом.

– Сложный вопрос, – вздохнул тот задумчиво. – Честно сказать, и сам толком не знаю. Меня подобные вещи не интересовали даже в школьные годы, я считал их бессмысленными и ненужными. После окончания школы поступил в военное училище, мечтая стать летчиком. – Вячеслав усмехнулся. – Обычные юношеские грезы, ничего более. Зато получил инженерное образование. Тогда-то я и понял, что летать уже не стремлюсь, а хочу учиться дальше, хочу стать исследователем. Увлёкся компьютером, программами, а затем дорос до разработчика.

Лифт остановился. Конышев, не дожидаясь моей помощи, вышел и повернул налево.

– А вы неплохо ориентируетесь, – не удержалась от комплимента я. – При том, что даже не пользуетесь палочкой.

– Да уж, неплохо, – горько усмехнулся Вячеслав, повертев в руке коротенькую трость, в которой с трудом угадывалась палочка для незрячего. Скорее уж она напоминала учительскую указку. – Если честно, то ничего удивительного нет, эти стены я знаю как свои пять пальцев. Здесь я начинал работать, прежде чем институт перевели в новое здание. Но все возвращается на круги своя – как видите, пришлось вернуться назад.

Чуть поодаль показались несколько ступенек: уровень пола в дальнем конце коридора почему-то был ниже, чем у лифта. Я собралась уже остановить шагающего впереди Вячеслава, но заметила, как тот надавил на кнопку на ручке своей трости, и она увеличилась до размера клюки. Мужчина несколько раз стукнул ею по полу перед собой и осторожно двинулся дальше. Мне даже не требовалось его направлять. Вскоре Вячеслав остановился и спросил:

– Как далеко мы находимся от нужной двери?

– Почти рядом, – осмотревшись, ответила я. – Еще шагов восемь – и вы окажетесь прямо перед ней.

– В таком случае можно вашу руку? – попросил Вячеслав Евгеньевич и, улыбнувшись, добавил: – Хочу, чтобы меня увидели в компании молодой и красивой женщины. А то все с коллегами да спонсорами.

Я предложила Вячеславу свою руку, и мы двинулись дальше. Теперь уже Конышева пришлось вести мне, попутно ощущая неловкость из-за того, что я вижу, а он нет. Будто в этом была часть моей вины. Видимо, к этому нужно привыкнуть и не обращать внимания.

Дойдя до двери, я пропустила Вячеслава вперед, а затем вошла сама. Помещение, в которое мы попали, оказалось большим, просторным, с высоким потолком и заполненным всевозможной компьютерной техникой. Перед мониторами сидели мужчины самого разного возраста и уверенно щелкали по клавиатуре. Причем все настолько углубились в рабо-

ту, что на наше появление никто не обратил внимания.

– Куда теперь? – завершив беглый осмотр помещения, спросила я у Конышева.

– В мой кабинет, – указав вправо, ответил тот. – Видите дверь у самого окна?

– Да, вижу. На ней есть табличка.

– Вот там теперь мое место, – пояснил Вячеслав, печально вздохнув. Но затем резко тряхнул головой, словно отгоняя уныние, и чуть бодрее добавил: – Сейчас займемся отбором нового персонала. Видите ли, людей катастрофически не хватает, особенно настоящих профессионалов. А исследование требует пристального внимания, вот мы и вынуждены набирать людей с улицы. К сожалению, вам сегодня придется при этом присутствовать.

– Почему же к сожалению? – возразила я, подхватывая Вячеслава под руку. – Мне, например, даже любопытно. Все-таки настоящее собеседование. Пора бы мне познакомиться с особенностями мероприятия, а то знаю о нем лишь понаслышке.

– Евгения, хотите анекдот? – неожиданно предложил Конышев. – Он, правда, очень короткий, всего одна фраза. Но думаю, вы его оцените.

– Ну давайте, – не отказалась я.

– В связи с поломкой сервера для создания фотороботов Управление внутренних дел приглашает на работу граждан с богатой мимикой.

Я улыбнулась, а Вячеслав вздохнул:

– М-да, все же юмор компьютерщиков слегка отличается от юмора обычных людей. Я убеждаюсь в этом все больше.

– Прошу в ваши апартаменты, – открывая следующую дверь, пригласила я спутника.

Конышев вошел в кабинет, снова провел палочкой по полу и уверенно приблизился к широкому столу, выполненному из темного дерева. Я задержалась у двери, оглядываясь по сторонам. Кабинет Вячеслава Евгеньевича представлял собой небольшую вытянутую комнату с одним окном. Обстановка оригинальностью не отличалась: обои под покраску, мягкий, но почему-то не кожаный диван, рабочий стол, крутящееся кресло, большой цветок на полу, на окне жалюзи. Полумрак.

Не сразу поняв, что полумрак Вячеславу Евгеньевичу никакого неудобства не доставляет, тогда как посетителям, напротив, будет мешать, я поискала на стене выключатель и зажгла свет.

– Вы пока располагайтесь, а я позвоню, чтобы отобранных вчера кандидатов прислали ко мне на собеседование, – говорил между тем Вячеслав, поднимая трубку телефона.

Продолжая наблюдать за его действиями, я все больше и больше удивлялась, как безошибочно он находит нужную кнопку. Впрочем, клавиатура телефона, калькулятора и компьютера относительно стандартна. Если часто ею пользуешься, то можно найти нужную кнопку с закрытыми глазами.

Пока Конышев отдавал распоряжения, я решила, что кандидатов на свободные места буду тщательно обыскивать за дверью, а впустив в кабинет, не позволю подходить близко к столу, оставив прямо у входа. Пока это были лишь малые меры предосторожности, но пренебрегать даже ими не следовало. Тем более что я пока не представляла, от кого именно надо защищать Вячеслава Евгеньевича.

Вскоре прибыли соискатели. О них мне доложил юноша, непонятно кем тут работавший. К его пиджаку хоть и был прицеплен бейджик, но на нем значились лишь фамилия и имя с отчеством, но только не должность. Возможно, паренек числился пока новичком, и его обязанности ограничивались курьерскими и специального названия не имели. Предварительно постучавшись, юноша осторожно заглянул в кабинет и, запинаясь, произнес:

– Тут люди пришли. Мне сказали, что их надо препроводить к вам.

– Да, да, мы в курсе, – кивнула я. – Скажи, пусть постоят в коридоре, я сейчас к ним выйду.

Не заставляя претендентов ждать, я вышла в соседнюю комнату и велела всем выстроиться в очередь. Затем подзвала к себе первого и, по-видимому, самого шустрого из них и тщательно обыскала. Не обнаружив при нем ничего опасного, провела к Вячеславу Евгеньевичу.

– Кто вы? – едва слышав, как скрипнула дверь, сразу же спросил Конышев, не дав бедняге толком опомниться и

собраться с мыслями.

– Я-а? – немного опешив, переспросил парень.

Он был довольно рослый, коротко стриженный и с бакенбардами. На правой его руке я заметила небольшую наколку в виде компа с забавной улыбающейся мордочкой и какими-то буквами. Одет на рэперский манер, разве что без повязки на голове. Выглядит лет на двадцать пять, может, чуть больше.

– А разве здесь есть еще посторонние? – насторожился Вячеслав.

– А-а, ну да, – парнишка вскинул подбородок и вознамерился пройти к столу.

– Оставайся там, – остановила его я. – Тебя и так хорошо слышно.

– Ладно, – немного растерянно пожал плечами молодой человек. После чего представился: – Костин Виктор Павлович.

– Расскажите о себе, – предложил Конышев. Сейчас он сидел в кресле с высоко поднятой головой, выпрямленной спиной и, казалось, неотрывно смотрел на посетителя, хотя на самом деле просто повернул лицо в сторону двери.

– Мне двадцать четыре года, имею опыт работы программиста для платформы J2EE, неплохо разбираюсь в устройстве сотовых телефонов, телевизоров и другой техники, – уверенно начал Костин. – За несколько дней из двух списанных компов могу собрать один рабочий. Легко определяю

неполадки в программах и устраняю их. Имею рекомендательные письма с прежнего места работы. Не пью, не курю. Считаю себя человеком ответственным и очень хочу работать над созданием новых программ, – выпалив все за одну минуту, парень замолчал.

– Что ж, отлично, – слегка кивнул головой Вячеслав. – Надеюсь, что возможность показать себя у вас действительно появится и кто-нибудь предложит вам интересную работу. Благодарю, до свидания.

Я едва не опешила от столь неожиданного и, главное, резкого ответа. Паренек же и вовсе раскрыл рот и, заикаясь, пролепетал:

– Это... значит, что вы меня не берете?

– Да, это значит, что вы нам не подходите, – повторил тоном, не терпящим возражений, Конышев.

– Но ведь вы даже не глянули в мое резюме, – начал возмущаться парнишка, сверля взглядом Вячеслава. – Я действительно хорошо разбираюсь в компьютерах, во всех, включая Power PC 970 с его 64-разрядным микропроцессором. Это новая разработка, с ней вообще мало кто сейчас на «ты». Машина дорогая, не у всех есть.

– Да неужели? – усмехнулся в ответ Вячеслав и слегка склонил голову набок. – А как же Power 4? С ним вы тоже на «ты»?

– Ну, в общем-то, да, – кивнул неуверенно парень, зачем-то покосившись в мою сторону.

Вячеслав снова усмехнулся и, махнув рукой в сторону двери, произнес:

– Идите, молодой человек. К вашему сведению, Power PC 970 – это упрощенная версия Power 4.

– Я это знал, – попытался было вернуть позиции кандидат, но, глянув на недвижимого, угрюмо «смотрящего» на него Конышева, быстро понял, что это не имеет никакого смысла, и, буркнув что-то себе под нос, выскочил из кабинета.

– Почему вы не взяли его, парень ведь действительно хочет работать? – обратилась я с вопросом к Вячеславу, едва только за вышедшим захлопнулась дверь. Пока я совершенно не понимала его действий. – Вы же сказали, что вам нужны талантливые сотрудники. А мальчишка вроде во многом разбирается.

– Вот именно, талантливые. Этого же парня в первую очередь интересуют деньги – у нас ведь хорошо платят. А за деньги, как известно, любой дурак будет работать, а дураки мне ни к чему! Мне нужны люди увлеченные.

– А с чего вы взяли, что его интересуют только деньги? – снова спросила я, не удержавшись.

В общем-то, все это не моего ума дело. Моя главная обязанность – оберегать жизнь Вячеслава, а не выяснять подробности каждого его действия. Но Конышев меня заинтересовал как личность. С ним приятно было просто общаться, что на самом деле для меня редкость. Большинство людей мне кажутся настолько предсказуемыми, что я теряю к

ним интерес после первой же произнесенной фразы. К тому же чувствовалось, что Вячеслав тоже одинок, и мне хотелось как-то поддержать его.

– Интуиция, – коротко ответил Вячеслав, вновь списав все на подсознание. Впрочем, тут же добавил: – Вы разве не заметили, как он набивался к нам на работу, как расхваливал сам себя? А по-настоящему талантливые люди обычно невероятно самокритичны и не уверены в себе. К тому же я никогда не принимаю на работу людей, имеющих рекомендательные письма.

– Почему? – изумилась я, уверенная, что это требуют в большинстве организаций при приеме на работу.

– Потому что я давно пришел к выводу, что если человек ранее отлично выполнял свои обязанности, то в будущем он вряд ли продолжит работать с той же отдачей. Обычно люди не пытаются повторить прежний успех. Следовательно, можно сделать вывод, что ранний успех не учит ничему, а вот неудача – это лучший учитель.

– Странно вы рассуждаете.

– Ничего странного. Вы сами подумайте, будет ли вам интересно выполнять одну и ту же работу вновь и вновь? Нет, – сам за меня ответил Вячеслав. – Она вам очень быстро надоест, а перестав получать удовлетворение, вы перестанете к чему-то стремиться.

– Но ведь вы же не отказались провести то же исследование второй раз, начав его фактически с нуля? – рискнула

возразить я.

– А это уже другой момент. Вы ошибаетесь, если думаете, что я считаю, будто человек не может заниматься чем-то на протяжении всей жизни. Вовсе нет! Но только в том случае, если он не является узким специалистом, как этот парень. Сужение сферы деятельности эффективно только в отношении физического труда: вот там достаточно знать, как выполняется та или иная операция, и оттачивать мастерство. В науке же только разносторонне развитый человек способен совершать какие-то открытия, ведь он может сразу с нескольких точек зрения взглянуть на одну и ту же проблему. Здесь нужен творческий подход, а творчество подразумевает широкий кругозор.

– Слушая вас, можно подумать, что на место программиста вы возьмете математика – и наоборот.

– Вы почти угадали, – улыбнулся Коньшев. – Я предпочитаю выбирать людей, которые опровергают мнение о том, что хорошо можно делать только одно дело. Я сам начинал в качестве преподавателя вуза, затем как программист, а уже позже как исследователь и разработчик квантовой криптографии. И знаете, что я заметил?

– Что?

– Что из всех перечисленных областей, мало соотносящихся с моей сегодняшней деятельностью, я почерпнул массу полезных знаний и, только объединив их, добился поставленной перед собой цели и разработал эту программу. Если

бы я начал свое обучение с квантовой физики и ничем, помимо нее, не интересовался, мы бы с вами сейчас не беседовали. Потому что проекты, которые я мог бы разрабатывать, никого бы не заинтересовали – хотя бы по причине узкой сферы возможного применения.

– Пожалуй, теперь я поняла ваши критерии отбора, – сказала я. – Только вот о самих кадрах мы как-то забыли. Прошу прощения, что отвлекла вас от дел, больше постараюсь этого не делать.

– Напротив, с вами интересно беседовать, – воскликнул Вячеслав и продолжил собеседование.

В кабинет один за одним входили студенты, бывалые программисты, техники и даже математики, и всем им Конышев устраивал такой экзамен, который не снился им даже в суперпрестижном вузе, с конкурсом сто человек на место. Я только успевала выдворять неугодных претендентов да проверять еще раз тех, кого сочли нужным оставить. В целом собеседование растянулось до самого вечера. На улице уже давно стемнело, а Вячеслав все продолжал беседовать с людьми.

Я как могла ускоряла процесс отбора. Предупредила оставшихся за дверью о том, что «если ученый не может объяснить восьмилетнему малышу, чем занимается, то он – шарлатан», и попросила тех, кто не уверен в своих знаниях, зря нас не задерживать и поторопиться восвояси. Увы, ожидаемого эффекта это не возымело: то ли все опасались

признаваться в собственном невежестве перед остальными, то ли еще по какой причине, но никто и не подумал уйти. В результате рабочий день для нас с Вячеславом закончился только в восемь часов вечера.

Чувствуя невероятную усталость, будто вместо Вячеслава отбирала кадры я сама, и сильно проголодавшись, очень обрадовалась, когда Конышев предложил поехать к нему домой, на служебную квартиру. Свое собственное жилье у него, конечно, тоже имелось, но там Вячеслав решил пока не появляться, опасаясь покушения.

Глава 2

Новый день наступил для меня очень рано: аж в пять часов утра. Едва проснувшись, Вячеслав разбудил и меня, уснувшую в кресле, и напомнил, что пора продолжить работу, так как время не терпит. Я нехотя поднялась и поплелась в ванную. За то время, что приводила себя в порядок, Вячеслав умудрился накрыть на стол, хотя и сильно при этом намусорил вокруг и разбил две чашки, что в его положении было простительно. Я прибрала все с пола, и мы сели завтракать. Быстро умяв кривые бутерброды с копченой колбасой и кружочками свежего помидора и запив все это горячим кофе, мы отправились в институт.

А там все снова завертелось и закрутилось: Конышев что-то кому-то диктовал, отдавал какие-то распоряжения – одним словом, руководил исследовательским процессом. Я же, почти забыв о своих прямых обязанностях, скорее выполняла роль его поводыря, нежели частного телохранителя, помогая мужчине добраться до очередного нужного кабинета или человека. И ближе к середине дня мне начало казаться, что возможность опасности господином Кононовым и заместителем министра по финансам сильно преувеличена – за два дня еще ни одного покушения или хотя бы намек на то.

Но тут-то все и случилось. Где-то около половины второго в кабинет, где проходило совещание, без стука влетел встре-

воженный охранник и с ходу выкрикнул:

– Только что позвонил неизвестный и сообщил, что в здании заложена бомба!

– О господи, опять! – всплеснул руками Кононов. Затем скомандовал: – Срочно всех эвакуировать.

– А как же материал? Вновь позволить все взорвать?! – вмешался его коллега, полноватый мужчина с седой прядью на виске при абсолютно черных густых волосах. – Это же весь труд коту под хвост. Мы только-только сдвинулись с мертвой точки!

– А что вы предлагаете? – развел руками Олег Ефимович. – Мне дороже люди, нежели техника. Вячеслав Евгеньевич, дорогой, – мужчина подхватил Конышева под руку, – пойдемте поскорее отсюда.

– Подождите, – остановила я Кононова, преградив ему путь.

– Что такое? – удивленно уставился тот на меня.

– Мы остаемся, – заявила я в ответ.

– То есть как это? – возмутился мужчина. – Вы что, не понимаете? Сейчас все взлетит на воздух, как уже случилось однажды. Эти нелюди не станут церемониться и ждать, пока мы все выберемся из здания.

– Не думаю. Скорее всего, это обычная уловка, для того чтобы выманить из здания Вячеслава Евгеньевича. Ведь проникнуть сюда преступникам не удастся из-за слишком большого количества охраны, – поделилась я своими сооб-

ражениями. – В первый раз, насколько мне известно, вас о взрыве никто не предупреждал, потому-то он и носил такой грандиозный характер. И все, что требовалось, удалось уничтожить. А теперь что? Думаете, ваши террористы одумались и решили смириться, оставив шанс для спасения? Зачем тогда вообще закладывать бомбу? Напугали они вас еще в первый раз, но вы ведь не приняли это к сведению и продолжили работу. А они не дураки и понимают, что устрашением ничего не добьются.

– Полностью согласен, – неожиданно поддержал меня Конышев. – Мы не можем останавливать работу и демонстрировать страх, иначе это их подстегнет еще больше. К тому же, если бы им нужно было все взорвать, они бы давно уже это сделали, без каких-либо предупреждений. Решено, мы остаемся.

– Нет, я не могу этого позволить, – продолжал тянуть Вячеслава к двери Кононов. – Вы нам слишком дороги. Лучше лишний раз перестраховаться. Не упрямитесь, пойдемте.

– Я же сказал, мы остаемся, – отдернул руку Вячеслав. – Мне уже надоело бегать и прятаться. Если богу угодно, он призовет меня к себе, если нет, я завершу работу над проектом во что бы то ни стало. Да и вам бы я советовал не создавать панику. Вызовите саперов, и пусть спокойно ищут и обезвреживают, не привлекая внимания. Вот увидите, они ничего не найдут.

– Но я не могу позволить вам остаться здесь. Я несу за вас

ответственность перед всей страной. И просто обязан первым эвакуировать именно вас, – продолжал суетиться Олег Ефимович. – Упрямство – плохой помощник, поймите же, Вячеслав Евгеньевич.

– Ну хорошо, я покину свой кабинет и перейду в любой другой, но не более, – уступил Конышев. – Из института я не выйду.

– Хорошо, тогда пойдемте в другой кабинет, куда сами захотите. А лучше и вовсе в другое крыло, – обрадовался Кононов.

Все участники собрания сорвались с мест и, задвигая стульями, поспешили к двери. Я старалась не отставать от Вячеслава, которого тащил прочь от собственного кабинета его начальник.

Минут через семь мы уже находились в другом крыле огромного институтского здания. Получив приказ не создавать паники, охрана вызвала саперов, и здание начали тщательно осматривать на предмет обнаружения взрывчатки. Встревоженные присутствием посторонних, да еще с приборами по поиску взрывных устройств, сотрудники института всполошились не на шутку и отказались продолжить работу. Кононов вынужден был дать разрешение на эвакуацию, после чего началось самое настоящее бегство: рисковать собственной жизнью ради науки никому не хотелось.

Конышев злился, что исследования вновь приостановлены, но поделать ничего не мог. Прошло часа два, и саперы

уверенно заявили, что в здании никаких взрывных устройств нет.

– Ну, что я вам говорил? – возмутился Вячеслав Евгеньевич. – Вы сами только что сорвали весь рабочий процесс. О боже, в таких условиях просто невозможно проводить исследования! Нужно срочно что-то предпринять.

Кононов вяло развел руками, давая понять, что с радостью бы, да не знает что. Впрочем, его жестов Вячеслав, конечно же, не увидел, а потому продолжил возмущаться:

– Ну что вы молчите? Придумайте что-нибудь. Добейтесь того, чтобы подобного больше не происходило. Иначе я сам откажусь от работы, и делайте тогда, что хотите.

– Мы постараемся, обязательно постараемся что-нибудь придумать, – испуганно пообещал Кононов. – Вы только успокойтесь и езжайте сегодня домой. Отдохнете немного, а завтра уже, с новыми силами...

– Хорошо, мне и действительно нужно отдохнуть, – согласился Вячеслав тут же. А затем позвал: – Евгения, вы здесь?

– А куда ж я от вас денусь, – негромко произнесла я, стоя у него за спиной. – Что, идем к машине?

Он кивнул. Я подхватила его под руку, и мы не спеша направились к выходу. У самой двери я остановилась и, подзвав охранника, попросила его побыть с Вячеславом в мое отсутствие. Сама же отправилась к машине Кобышева – темному «Опелю» со слегка затонированными боковыми стеклами, – чтобы ее осмотреть. Машина находилась на общей

институтской стоянке с того самого момента, как Вячеслав лишился зрения, и ею никто не пользовался. Обычно Кобышева отправляли домой на служебном транспорте в сопровождении телохранителей. Что касается стоянки, то она фактически не охранялась, так как была расположена прямо под окнами самого здания института и все машины великолепно просматривались. Предполагалось, что при подобных обстоятельствах с автомобилями ничего не случится.

Я подошла к машине. Присев, заглянула под днище. Ничего. Открыла багажник – тоже пусто, капот – никаких лишних деталей. Отключив сигнализацию, проверила салон. Только тогда вернулась за Вячеславом и попросила охранника пойти с нами. Тот не сразу понял, чего от него хотят.

– На всякий случай, – отрезала я, не вдаваясь в подробности.

Мы вышли из здания института втроем. Поблизости никого не оказалось, но это еще не говорило о том, что все спокойно. Уж я-то прекрасно знала, что если целью преступников является Вячеслав, то в каком-либо соседнем доме в небольшой квартирке может сидеть себе какой-нибудь снайпер и ждать нашего появления. Поэтому я и охранник, безоговорочно выполнявший мои приказы, окружили клиента живым щитом и проводили к машине. И только усадив Кобышева на сиденье, я отпустила охранника. Заняла водительское место, захлопнула дверцу и вставила ключ в замок зажигания. В ту же минуту что-то щелкнуло. Я насторожи-

лась, приостановив пока завод двигателя.

– Вы слышали? – допустив, что мне могло померещиться, на всякий случай спросила я у Вячеслава.

– Щелчок? – уточнил он.

– Да, щелчок.

Конышев кивнул.

– Слева от себя.

– А у меня справа, – удивленно заметила я и повернула голову к окну. И вроде бы все спокойно, но моя интуиция подсказывала обратное. Я решила выйти из машины, чтобы еще раз, более тщательно, ее осмотреть, и, взявшись за ручку, стала открывать дверь. Та не поддавалась. Я подергала сильнее – дверь по-прежнему оставалась на своем месте. Сердце мое забилось быстрее, так как ни к чему хорошему такие дела привести не могли.

– Женя, что-то случилось? – догадался по шуму и тяжелому дыханию Вячеслав.

– Похоже, что да, – вздохнула я. – Дверь не открывается. Попробуйте с вашей стороны.

Конышев на ощупь отыскал ручку и, оттянув ее, толкнул дверь. Результат оказался аналогичным – дверь и не подумала открываться. Тогда я обратила внимание на защелку, блокирующую дверь изнутри, и обнаружила, что та опущена вниз. Я попыталась поднять ее, но та не поддавалась, словно приросла намертво.

– Что-то произошло: дверные замки заклинило на обеих

дверях, – сообщила я Вячеславу, решив, что он должен это знать.

Тот слегка вздрогнул, а потом произнес:

– Скорее всего, автомобиль заминирован.

– Хотите сказать, может рвануть в любой момент? – испуганно переспросила я, хотя и сама могла о том догадаться.

Конышев вновь кивнул.

– О боже! – невольно сорвалось с моих губ. Затем я принялась отдираать внутренности дверной обшивки, чтобы заглянуть внутрь и, устранив помехи, вызволить Вячеслава из машины. О себе я даже как-то не думала. Впрочем, так происходило всегда, когда чувствовала ответственность за конкретного человека. А иначе и быть не может, ведь если телохранителю дороже собственная шкура, то он тот, от кого нужно защищать, а не наоборот.

– Что вы делаете? – спросил Вячеслав, слегка занервничав.

– Пытаюсь вызволить нас отсюда, – ответила я, а затем заметила: – Не понимаю, почему мы все еще живы. Сейчас ведь все радиоуправляемо. Преступники могли бы рвануть машину по желанию именно сейчас, а не двумя минутами позже. Но отчего-то медлят.

– Скорее всего, взрывной механизм основан на химической реакции, или же кто-то очень хочет насладиться своим триумфом и продлить мои мучения, – устало предположил Вячеслав. – Впрочем, преступники могли попросту не

решился использовать радиоуправляемое устройство. Дело в том, что обычно оно действует только на определенной частоте, и для того, чтобы избежать помех, нужно найти такую частоту, на которой не будет работать ни одно находящееся рядом устройство. А здесь научный институт, сами понимаете, техники разной хватает – могло рвануть не по времени или же не рвануть вообще. Так что, скорее всего, механизм основан на функциях зажигательной системы самой машины, вы же ее пока еще не завели.

– Теперь и не буду.

– Я почти уверен, что провода от запального капсюля идут к контактам зажигательной системы, – рассуждал Конышев. Возможно, так ему было проще справиться со страхом, я же и не перебивала – пусть говорит, мне и самой от этого легче... – А при повороте ключа должно произойти замыкание и детонирование бомбы.

– Вы лучше бы подсказали, как это все отключить, – перебила я. – Здесь в дверце какие-то проводки, и куда они идут, понятия не имею. Увы, с точными науками у меня всегда было туго.

– Что за проводки? – сосредоточился Вячеслав.

– Знала бы я, – вздохнула я. – Все одного цвета, но столько их тут явно не должно быть. Может, открыть окна и вылезти так?

– Нет, – торопливо произнес Вячеслав, повернувшись в мою сторону.

– Почему? – удивилась я.

– Потому что неизвестно, что сотворили с дверями эти умники. Движение стекла также может сработать на замыкание цепи.

И я, и Вячеслав призадумались. Время поджигало, и я не нашла ничего лучше, чем вытащить из сумочки небольшой фонарик и ударить им прямо по стеклу. Стекло разбилось на части. Некоторые осколки упали на асфальт, некоторые отлетели в салон и порезали мне руку – взрыва по крайней мере не произошло. На коже выступила ярко-алая кровь. Но сейчас я этого даже не замечала, продолжая оббивать стекло вокруг. Вячеслав ни о чем не спрашивал, видимо, и так догадываясь, что я делаю.

Когда стекло было полностью выбито, я с пластичностью змеи выползла из машины и принялась дергать ручки дверей, расположенных позади, надеясь, что хоть их удастся открыть, и тогда Вячеслав сможет покинуть это взрывоопасное авто. И куда только эти умники засунули взрывчатку?.. Как назло, и задние двери тоже не поддавались. Я начала психовать, не зная, что еще предпринять. Затем подошла к дверце с его стороны и спросила:

– Сможете выбраться через мое окно?

– А разве есть выбор? – Конышев попробовал улыбнуться.

Затем он молча повернулся в сторону выбитого окна и начал на ощупь перемещаться в том направлении. Я тоже переметнулась на другую сторону, чтобы управлять его движе-

ниями словесно, говоря, куда ставить руку или ногу. Вячеслав исполнял все в точности, двигаясь уверенно и аккуратно. Вскоре он уже высунулся по пояс из окна, я подхватила его и стала вытягивать наружу. Конышев невесомостью не отличался, но я собрала все свои силы, понимая, что только от меня сейчас зависит его судьба.

Позади кто-то зашаркал. Я не имела возможности обернуться и посмотреть, кто это, но очень боялась, что не свои – те, кто как раз и подложил бомбу. Я поторопилась вытянуть Конышева из авто и, как только его ноги коснулись асфальта, торопливо обернулась и увидела вылупившегося на нас дядьку в серой майке и просторных штанах со множеством карманов. Он явно не мог сообразить, что мы такое вытворяем.

– Ну что смотрите, идите свой дорогой, – окрысилась я, тем более что мне просто необходимо было сбросить весь негатив, возникший на почве недавнего страха.

Затем подхватила Вячеслава под руку и торопливо повела его обратно, в здание института. Там, наткнувшись на охранника, удивленного нашим возвращением, велела тому вновь вызывать саперов, пояснив, что в машине ученого бомба. Парнишка поспешил выполнить мое поручение. А вскоре вниз сбежали другие сотрудники и наперебой стали спрашивать, что произошло.

– Глупый вопрос, – моментально поставил всех на место Вячеслав. – Что еще, кроме как очередное покушение, может

произойти? Я ведь в последнее время стал какой-то дичью, за которой охотится, наверное, половина мира. Кому-то, видите ли, не выгоден мой проект. Никогда не пробовали почувствовать себя уткой, на которую нацелено сразу сто, а то и двести ружей?

Вячеслав явно нервничал. Да и остальным моментально стало не по себе. Я же, понимая, что нам саперов ждать необязательно, тем более что на «Опеле» ни я, ни клиент ни за что не поедem, предложила следующее:

– Давайте отправимся к вам домой на моем авто. Надеюсь, что его еще не успели вычислить и начинить взрывчаткой.

– Согласен. Только пусть сначала вашу машину все-таки осмотрят, – откликнулся Конышев.

Я не стала с ним спорить. Мы дождались прибытия, точнее, возвращения знакомой группы, попросили осмотреть мою машину и только потом сели в нее. Вячеслав облегченно вздохнул, я, в общем-то, тоже. Затем вставила ключ в замок зажигания и осторожно повернула, несмотря на предварительный контроль, все же побаиваясь возможных последствий. И мы тронулись по направлению к дому Конышева.

Вячеслав почти всю дорогу молчал, думая о чем-то своем. Я не нарушала ход его мыслей, понимая, что ему сейчас не до меня. Так, почти в полном безмолвии мы добрались до Миллеровской. Я остановила машину прямо перед подъездом Вячеслава и устало вздохнула. Конышев, догадавшись, что мы уже на месте, принялся открывать дверцу со своей

стороны.

– Не спешите, сейчас сама вам открою, – окликнула его я.

Затем выпрыгнула из машины, обошла ее и рывком открыла дверцу со стороны Вячеслава Евгеньевича. Тот осторожно вышел. Я помогла ему, затем захлопнула дверцу и, поставив авто на сигнализацию, повела Вячеслава к подъездной двери. Набрав код, мы вошли внутрь, сели в лифт и поднялись до нужного этажа. Когда лифт остановился и двери его начали со скрипом двигаться в разные стороны, я немного напряглась. Загородив собой Вячеслава, первой высунулась на лестничную площадку. Там никого не оказалось. Впрочем, преступники ведь не могли точно знать, когда мы вернемся, оттого и не успели ничего придумать или сделать, решила я для себя.

– Все в порядке? – между тем спросил Вячеслав.

– Кажется, да, все чисто, – успокоила я его и, попросив ключи, отперла дверь в его квартиру.

Заглянув внутрь первой, позволила Вячеславу войти в коридор.

– Вы зря так боитесь, – спокойно разуваясь в прихожей, уверенно произнес Конышев. – Я в этой квартире всего несколько дней, вряд ли бандиты успели ее вычислить и напичкать своими сюрпризами.

– Ну да, – усмехнулась я, – а машину вашу они как тогда вычислили? Причем знали, что мы поедем именно на ней, и это при том, что вы своим авто не пользовались уже дав-

но. Такое ощущение, что их кто-то предупреждает о ваших шагах.

– Возможно, бомба в моей машине совсем и не со вчерашнего дня находится, – предположил Вячеслав относительно спокойно, будто бы не слышал моих последних слов. Похоже, он уже отошел от недавнего шока, а потому пребывал в приподнятом настроении, чего совсем нельзя было сказать про меня, повсюду ищущей подвоха. – Ее могли подложить давно, чем, кстати, и объясняется выбор взрывного устройства. Оно ведь оказалось не радиоуправляемым, наверное, как раз потому, что бандиты не знали, сколько придется ждать.

Вячеслав по стенке добрался до дверного проема. Очувшившись в зале, дошел до дивана, сел на него и вздохнул:

– Не в первый раз ловлю себя на мысли о том, что уметь не грех, но вот выпячиваться не стоит. За всю историю нашей страны мало кто из ученых был признан при жизни. Всех их считали какими-то изгоями, прохиндеями, шарлатанами, колдунами. Всегда преследовали и не давали нормально работать. Как видите, я не исключение.

– Если бы вас сейчас слышала моя тетушка Мила, то наверняка бы сказала: кому много дано, с того много и спросится, – промолвила я. – Она верит, что на каждого человека бог выделил именно столько бед и тягот, сколько тот способен вынести и преодолеть, и не больше.

– А вы тоже так думаете?

– Я? Не знаю. Хотя, пожалуй, все-таки нет. Я не особенно верующий человек, несмотря на то что вспоминаю о боге в сложных ситуациях. Только я привыкла верить в то, что вижу, а обращение к высшим силам за помощью – это как заразная привычка, которую не так-то легко искоренить. Тяжело, должно быть, тем, кому привили мысль о том, что всем управляет бог. Все годы им приходится с этим жить или бороться. Вот вы, наверное, тоже не из верующих?

– Угадали. Ученые вообще в большинстве своем – противники веры. Мы привыкли объяснять все с точки зрения науки, а если не получается, ссылаемся на то, что объект не исследован до конца. А вообще, в мире все закономерно.

Зазвонил телефон. Вячеслав попросил меня снять трубку. Я подошла к телефону, поднесла трубку к уху и тотчас услышала:

– Вячеслав Евгеньевич, это вы?

– Нет, это Евгения Максимовна, – понимая, что звонил, скорее всего, кто-то из своих, ответила я. А затем спросила: – Передать ему трубку?

– Да-да, передайте, – заторопил меня абонент.

– Это вас, – протянула я Конышеву аппарат. – Кажется, из института.

Он кивнул в ответ и молча принял трубку. Затем несколько минут внимательно слушал собеседника, а к концу разговора нахмурился и произнес:

– Не включайте остальные компьютеры, иначе они выйдут

из строя. И отсоедините их от общей сети. Вырубите Интернет. Запускайте антивирус... или нет, лучше сначала определите тип вируса, а затем уничтожьте его. Не думаю, что он слишком серьезный. Вам это по силам, я знаю. Вы меня поняли?

Абонент что-то ответил, и Вячеслав протянул трубку мне, давая понять, что разговор завершен.

– Что-то случилось? – насторожилась я, чувствуя, что новости не из приятных.

Вячеслав кивнул, вздохнул, а затем пояснил:

– Звонил Христов. Это один из лучших наших программистов. Он и еще пара ребят все же остались в институте, не поддавшись панике. Сообщает, что выявил какой-то вирус, блокирующий работу всех включенных компьютеров одного за одним.

– Но как такое может быть? Вы разве подключаетесь к Интернету, не проверяя, что оттуда скачиваете? – удивилась я.

– Нет, Интернет у нас всего на нескольких машинах, но остальные-то контактируют с ними посредством дисков и дискет. Судя по всему, вирус работает по принципу копирования информации, заложенной в компьютер. Причем делает это постоянно и, как только память оказывается переполненной, выходит из строя. Хорошо еще, что он ничего не удаляет и не уничтожает, – заметил с некоторым вздохом облегчения мужчина. – И все же вирус нужно уничтожить, пока он не вышел из-под контроля и не начал распростра-

няться по сети. Иначе пострадает не один десяток граждан. Мы не сможем предупредить других пользователей, так как сеть будет перегружена.

– Похоже, враги решили с вас переключиться на ваши разработки и уничтожить их, – заметила я.

– Вряд ли. Им стоило бы запустить к нам что-то посерьезнее. А это так, детская забава. Возможно даже, что вирус попал к нам случайно.

– Да, никогда бы не подумала, что, используя компьютеры, можно развернуть самую настоящую бескровную электронную войну. До чего же все-таки дошел прогресс!

– Знаете, Женя, – немного помолчав, снова заговорил Вячеслав Евгеньевич, – я вот сейчас думаю, что прогресс вредит человечеству.

– Почему?

– Потому что все, что мы создаем якобы на благо общества, используется против него же самого. Возьмите, к примеру, электричество. Казалось бы, какая прелесть: тут тебе и свет, и телевидение, и различная техника. А посмотришь с другой стороны – сколько смертей произошло из-за сбоя в цепи, сколько людей сгорело или получило ожоги высоких степеней. Сколько горя приносит эта хваленая аппаратура! Мы, как замороженные, сутками просиживаем перед телевизором, вместо того чтобы дышать свежим воздухом, трудиться физически. Так нет, все за нас делают машины, они просто заполонили собой мир, поработили его. Это не мы

управляем ими, а наоборот. Самая же страшная вещь – компьютеры.

– И это я слышу едва ли не от их разработчика? – удивленно заметила я.

– Ничего странного. Мне, как никому другому, известен и понятен весь масштаб опасности, которую несут с собой эти ужасные машины. Вы вот, например, знаете, что все сейчас автоматизировано. Но даже не предполагаете, что произойдет, если каким-нибудь террористам-компьютерщикам удастся нанести удар по крупным компьютеризированным центрам. Да даже если применить такой удар лишь к одному крупному банку страны, можно вызвать кризис всей финансовой системы в целом. Общество моментально перестанет доверять всем современным технологиям, а значит, в банки перестанут поступать средства. Но и это еще не все: за недоверием последует разорение мелких фирм, большинство из которых напрямую зависит от скорости оборота средств, от кредитов, получаемых из банка. Следом за фирмами крах настигнет и страховые компании, которые вряд ли сумеют покрыть нанесенный ущерб. Кредитными карточками перестанут пользоваться, возникнет спрос на наличные, золото. А уж про рост цен я и вовсе молчу.

– Какие незавидные перспективы вы нарисовали. Но ведь пока никто не додумался до совершения таких злодеяний, а это уже неплохо.

Вячеслав усмехнулся:

– Вы слишком наивны, Евгения, если думаете, что фанатиков и сумасшедших в мире горстка. Нет-нет, их куда больше. Современный терроризм нашего времени высокотехнологичен, но его удастся контролировать различным спецслужбам, хорошо охраняемым спутниковым системам. Людям пока еще удастся удерживать власть в своих руках, но как долго это будет продолжаться?.. Уровень защищенности сейчас все быстрее падает, тогда как количество способов воздействия на технику растет. Неспроста ученые всего мира озаботились поиском новых путей защиты, ведь повреждение атомных объектов может привести к возникновению глобальных катастроф, экономических центров – к финансовому кризису.

– Поэтому-то вы так стремитесь усовершенствовать систему защиты информационных баз данных, хранящихся в компьютерах? – поняла я.

– Не только. Я просто хочу, чтобы наши дети не страдали от тех новшеств, которыми мы их с такой щедростью наградили.

Несмотря на несколько философское настроение, я решила пока не особенно унывать, а лучше заняться приготовлением хорошего ужина. Перекочевала в кухню и, открыв холодильник, принялась изучать его содержимое. Видимо, предлагая жилье Вячеславу, областное правительство позаботилось также и о том, чтобы он ни в чем не нуждался. А посему в холодильнике я нашла свежайшие фрукты, банку

красной икры, копченые окорочка, колбасу нескольких видов, сыр, какие-то охотничьи закуски, полуфабрикаты и много чего еще. Здесь даже готовить ничего не требовалось: вынимай и разогревай. Впрочем, для слепого именно так удобнее всего.

Остановив свой выбор на коробке готовых блинчиков с мясом, я достала их и сунула в микроволновую печь. Вячеслав копошился в соседней комнате. Чем он занимался, я не знала. Впрочем, до меня все же долетало его чертыхание, когда он обо что-то спотыкался или что-то ронял. В конце концов игнорировать это стало невозможным, и я заглянула в зал, проверить, что же Конышев там все-таки делает. Оказалось, что пытается на ощупь запустить компьютер, но умудрился задеть стол и клавиатуру, отчего все, что лежало вокруг, посыпалось на пол.

– Давайте помогу, – предложила я.

– Спасибо, – тут же поднявшись и позволив мне самостоятельно положить все на стол, ответил Конышев. – Никак не свикнусь с мыслью, что прежде нужно ощупать все вокруг, запомнить и лишь затем начинать что-то делать.

Продолжая собирать рассыпавшиеся по полу мелочи, я поинтересовалась:

– Зачем вы включили компьютер, все равно же не видите? Или об этом тоже забыли?

– Да нет, как тут забыть, – вздохнул Вячеслав. – Я хорошо помню, что ничего не вижу, но зато все прекрасно видите

вы, – заметил он. И, широко растянув губы в улыбке, добавил: – Я планировал попросить вас прочесть мою почту. Вы ведь не откажете мне в этой любезности?

– Откажу, – уверенно ответила я. Но, заметив, как моментально погрузился Вячеслав, поспешила добавить: – Потому что сейчас мы идем есть, а вот потом я в полном вашем распоряжении и готова прочесть хоть сочинения Толстого. Нужно же чем-то занять вечер.

– Хорошо, давайте сначала поедим, – согласился Вячеслав, и мы вместе отправились на кухню.

Там я поместила прямо перед мужчиной тарелку с теплыми, замечательно пахнущими блинчиками, обильно полила их сметаной и села на свой стул. Мы принялись за еду. Я старалась не поднимать глаз, так как видеть, сколько усилий прилагает слепой человек для того, чтобы насытиться, как блинчики то и дело падают у него с вилки, мне было в тягость. Я, конечно, могла предложить помощь, но была уверена, что Вячеслав все равно от нее откажется: он понимает, что должен овладеть всеми навыками самостоятельно, чтобы не быть ни для кого обузой. И это правильно.

– Может быть, вы попробуете руками? – все же не выдержав, предложила я. – Так значительно удобнее. Я вот тоже руками их держу.

– Я знаю, что удобнее, – довольно бодро откликнулся Вячеслав. – Но я хочу научиться делать все так, чтобы никто даже не понял, что я слеп, – пояснил он суть своих действий. –

Знаю, что это возможно, даже видел один раз человека, который работает наравне со зрячими, хотя абсолютно слеп от рождения. Я бы хотел походить на него, но, скорее всего, у меня не получится. Для подобной ловкости нужны годы практики, а мне трудно сосредоточиваться именно на этом, потому что мои разработки все-таки для меня важнее.

Я ничего не ответила, просто не зная, что говорить. Молча доев блинчики, сварила кофе, выпив который мы вернулись в комнату и устроились возле компьютера.

– Если честно, я не слишком разбираюсь в столь сложной технике, – предупредила я Вячеслава. – Так что, боюсь, даже не смогу отыскать ваш почтовый ящик. Тем более что у вас тут столько наворотов! Неясно даже, где щелкать и на что нажимать.

– Сможете, я ведь буду вами руководить, – уверенно заявил Конышев. – Вот сейчас скажите, что там высветилось на мониторе?

– Какое-то окно со множеством различных ярлычков. Из них узнаю только стандартные, но это явно не то, что нужно, – заметила я.

– Отыщите ярлычок в виде маленького шарика с голубком и щелкните по нему дважды мышью. Затем нажмите кнопочку, которая появится в левой части экрана в самом углу.

– Вон ту, с крестиком? – осторожно следуя указаниям, переспросила я.

– Да, да, ту самую. Теперь еще раз, но вверху, где написано

«пароль». Введите пароль.

Мужчина продиктовал мне какой-то нелепый набор русских и латинских букв, на что я категорично заявила:

– Боюсь, что не справлюсь с набором. У вас совершенно стертые клавиши, и не видно ни единой буквы. Тем более что нужны еще и латинские.

– Тогда отодвиньтесь, я сам.

Вячеслав пододвинул стул ближе, поместил руки на клавиатуру, немного погладил ее, словно прощупывая, где какая кнопка находится, а затем стал быстро что-то печатать. Я едва успевала следить за тем, куда он нажимает, так быстро он щелкал. Вячеслав так увлекся, что сделал все, что требовалось, самостоятельно, и лишь когда на экране выплыло сообщение, что поступило три письма, спросил:

– Что-нибудь есть?

– Да, три письма.

– Откройте их кнопкой запуска на верхней панели и прочтите, – попросил Конышев, освобождая мне место.

Я не спеша села, открыла первое из писем и принялась читать его вслух. Это оказался какой-то перечень программ, непонятных цифр и знаков, присланный коллегой Вячеслава, также выжившим после взрыва, но отказавшимся остаться в институте. Конышев, слушая все это, кивал и иногда повторял:

– Да, да, все верно. Он прав, мы использовали именно этот принцип. Молодец, что вспомнил таблицу, она нам вскоре

очень пригодится.

Дочитав это письмо, я открыла следующее. Но на первых же его строчках запнулась и смолкла.

– Почему вы замолчали, Женя? Это же письмо от моей жены, – по прочтенному приветствию догадался Вячеслав. – Что-то не так... что-то случилось? – Мужчина занервничал и, вцепившись в мою руку, с силой сжал ее, требуя ответа. – Ну не медлите же, что там?

– Ваша жена просит у вас развода, – выдавила я из себя краткое содержание всего письма, понимая, какую реакцию оно сейчас вызовет у Конышева.

– Развода? Глупости, вы меня обманываете, – в первую минуту даже не поверил Вячеслав, но, так как я продолжала молчать, торопливо потребовал: – Ну-ка, прочтите все. Я хочу знать, что там написано.

– «Здравствуй, коник! Извини, что отвлекаю тебя от столь важных дел, но я приняла решение, о котором хочу тебе сообщить, – начала читать я. – С тех пор как ты увлекся квантовой физикой и начал работать над своим проектом, мы практически не видимся. Ты все время проводишь в институте, я дома. Но и вернувшись с работы, ты снова садишься за компьютер, будто он важнее меня. Сейчас я поняла, что ты влюблен в науку и, несмотря на то что от нее же и пострадал, не отказываешься от своих планов...» Дальше читать? – видя, как сник Вячеслав, спросила я.

Мужчина кивнул, и я продолжила:

– «Ты стал фанатичным, а это уже болезнь. Я не хочу жить рядом с больным человеком, для которого общественные проекты важнее семьи, с человеком, который не дорожит собственными здоровьем и жизнью, рискуя ими во имя прогресса. Возможно, просто не смогла разглядеть в тебе великого ученого, о котором вскоре заговорит весь мир. Я старалась увидеть в тебе в первую очередь человека. Человека, богатого духовно, ценящего чувства, мои чувства. И обманулась – в тебе этого нет. Как нет и любви ко мне: она растворилась, ее затмила любовь к науке. Я не в силах более этого выносить, а потому прошу у тебя развода. Надеюсь, ты поймешь меня правильно и не станешь губить мою жизнь и дальше. С любовью, Вика!»

– Ничего не понимаю, – Вячеслав вскочил со своего места, опрокинув при этом стул. – Она не могла такое написать! Мы ведь с ней даже никогда не ссорились, и она всегда поддерживала меня во всех моих начинаниях! Даже когда после взрыва я заикнулся о том, что хочу продолжать работу, Вика была со мной солидарна и всячески помогала мне. Я с трудом уговорил ее поехать к родственникам, когда начались все эти покушения. Не хотел подвергать ее опасности, но Вика упрячилась и долго не хотела оставлять меня одного. И вдруг просьба о разводе... Это какая-то нелепость, глупость...

– Так, может быть, это и не она вам написала? – осторожно предположила я.

– Нет, она, – уверенно заявил Вячеслав. – Никто другой не знает, что Вика называет меня коником. Это интимное, домашнее и только между нами. – Мужчина тяжело вздохнул, начав ходить по комнате взад-вперед, но, как ни странно, ничего не задевая. – Она ведь никогда ни в чем меня не упрекала. Два дня назад мы созванивались, Вика вздыхала, что скучает и хочет ко мне. А теперь это...

– Так, может, вам и сейчас стоит ей позвонить, – выдала я новое предложение.

– Пожалуй, вы правы. Наберите ее номер. Сорок, восемьдесят три, семнадцать. Да, и код, кажется, восемь-двадцать семь.

– Это сотовый? – завершая набор, спросила я на всякий случай.

– Нет, домашний. Сотовый она еще перед поездкой случайно уронила в воду, и мы отдали его в ремонт. Забрать все как-то времени не хватало. Трубку могут снять родственники.

– Кто именно? – уже начав слушать длинные гудки, поинтересовалась я.

– Не знаю. Тетка Наталья, ее дочь Марина. Мужчин у них в доме нет, они женщины одинокие.

– Пока молчат, – заметила я, все еще не добившись ответа от абонента.

– Ну что они так долго? – еще больше занервничал Вячеслав. – Неужели дома никого нет?

– Похоже на то. Возможно, куда-то все трое вышли. Давайте перезвоним попозже.

– Нет, – отчего-то не согласился со мной Вячеслав. И, замерев на месте, тут же добавил: – Мы немедленно едем туда. Я хочу с ней поговорить с глазу на глаз и все выяснить.

– Но как же ра... – видя, что Вячеслав меня совершенно не слушает и уверенно направился к двери, я осеклась и поспешила за ним.

Я понимала, что срываться сейчас с места глупо, тем более что мы даже не были точно уверены, что письмо пришло от жены Конышева. Он-то, конечно, считал, что именно от нее, я же, наслушавшись про всевозможные махинации со связью, думала немного иначе. Вячеслав и слушать меня не желал, твердо заявив:

– Что бы это ни было, теперь я тоже хочу, чтобы моя жена все время находилась рядом, а не где-то там, куда не доходит даже связь. В противном случае я просто не смогу нормально работать.

– Хорошо, давайте пошлем за ней кого-нибудь, – предложила я. – Ее привезут, и вы сможете нормально поговорить. Зачем самому-то туда ехать?

– Я так решил и от своего решения не отступлюсь, – пытаюсь руками отыскать на полу ботинки, ответил мне Вячеслав.

– Ну да, как же, – усмехнулась я. – Так, может, вы тогда сами и машину поведете? Я, как ваш телохранитель, просто не имею права никуда вас везти, потому что это очередная

уловка.

— Господи, как вы не понимаете — это моя жена! — воскликнул раздраженно Вячеслав. — Моя любимая жена! Единственный близкий человек, который у меня есть. Меня ведь вырастила тетка, мои родители погибли в автокатастрофе. Но и тетка прожила недолго — ее я потерял, когда мне исполнилось девятнадцать. Сейчас у меня никого нет, кроме Вики. Так что даже если это уловка, то я все равно поеду, ведь бандиты уже знают, где она. А может, ее уже похитили.

— Вы бы узнали о том первым. Вас бы стали шантажировать, пугать...

— Женя, вы должны меня к ней отвезти, — продолжал настаивать Конышев, даже не прислушиваясь к моим словам.

— Если вы действительно хотите ехать, то давайте хотя бы попросим у вашего руководства сопровождающих. Так, одна, я вас не повезу.

— Вы боитесь?

— Да. Но только не за себя, а за вас. Вы ведь просто среагировать на те или иные действия нападающих не сможете, потому что вы их даже не увидите. А я, извините уж, не готова почему-то взять на себя ответственность за вашу смерть и почти уверена, что в дороге без происшествий не обойдется. Так что решайте: либо вы просите для себя у начальства сопровождение, либо остаетесь в квартире.

— Хорошо, ваша взяла. Звоните Кононову. Только, прошу вас, быстрее.

Глава 3

Через час с небольшим мы с Вячеславом уже прибыли в институт, где выслушали наставления относительно того, что нигде не стоит останавливаться, никого никуда не подбрасывать, и так далее, и тому подобное, словно мы несмышленыши и ничего не понимаем.

Впрочем, Олега Ефимовича можно было понять: он боялся за жизнь ученого и старался всячески оградить его от неприятностей. Единственное, что он и спонсоры могли сделать сейчас, была выдача нам с Конышевым сопроводительной машины и нескольких профессиональных, хорошо проверенных охранников. Подобрать таковых и снабдить нас транспортом велели начальнику службы безопасности Тимошенко Сергею Александровичу.

Вскоре мне представили отобранных ребят. Первый оказался атлетически сложен, хотя весь его вид указывал на то, что парень несколько медлителен и неразговорчив. Внешность молодца индивидуальностью не блистала, зато фамилия и имя запоминались легко – Худаков Николай.

Второй, Панов Андрей, являлся куда более яркой личностью. При своем небольшом росточке весьма мускулистый и накачанный, с живым, каким-то задорным взглядом и копной выующихся ярко-рыжих волос. Третьего звали Шиханов Александр. Он был самым юным, а потому беззаботным. Я

сначала возмутилась, зачем нам дают какого-то зеленого юнца, но когда мне объяснили, что он лучше всех стреляет, остыла, понимая, что его умение может нам здорово пригодиться.

Помимо этой троицы, нам предоставили еще и водителя, хотя я собиралась вести машину самостоятельно. Но Тимошенко заявил:

– Приказ сверху. Вы должны контролировать обстановку, а рулят пусть другие.

Пришлось согласиться. В итоге мое любимое дело перепоручили Учаеву Михаилу – мужчине лет тридцати с небольшим, немного угрюмому, задумчивому и молчаливому. Сперва он мне не очень-то понравился, так как я всегда настороженно отношусь к молчунам. Уж я как никто другой знала, что бояться надо не весельчаков и балагуров, а тихонь, про которых никогда не знаешь, что у них на уме.

Что касается транспорта – а своим автомобилем я рисковать напрочь отказалась, – нам дали две машины: черный «Опель» и такого же цвета «Форд». В последнем предстояло ехать мне и Вячеславу, прочим же оставался «Опель». Еще раз распланировав весь маршрут, обговорив некоторые детали и действия в случае нападения, мы расселись по местам.

Я села рядом с Учаевым, Конышев устроился на заднем сиденье. Первой с места тронулась вторая машина: она объехала нас справа и встала впереди. Наш водитель тоже завел двигатель, и мы тронулись. Кортёж плавно вырулил с тер-

ритории института на центральную трассу, затем свернул на улицу Северную. Там транспорта было значительно меньше, так что машины смогли набрать скорость.

Чувствуя себя немного не в своей тарелке, поскольку предпочитала вести машину сама, я принялась осматриваться по сторонам. Несколько раз бросала взгляд в зеркало заднего вида, но пока ничего подозрительного ни позади, ни впереди не заметила. Мы плавно катили в сторону междугородной трассы. Дорога туда вела одна, а потому я не могла позволить себе расслабиться, прекрасно понимая, что преступникам ничего не составит вычислить наш маршрут и совершить нападение.

– Евгения Максимовна, – обратился ко мне Учаев, – можно включить приемник? Скучно так, без музыки-то, ехать.

– Включайте, – вместо меня ответил ему Конышев. – Мне тоже нужно немного отвлечься.

Михаил тут же покрутил ручки приемника и, поймав какую-то волну, немного прибавил звук. По салону поплыл красивый голос Валерия Ободзинского, поющего про «Эти глаза напротив». Учаев негромко стал подпевать. Неожиданно впереди, прямо на дороге, нарисовалась какая-то плохо различимая фигура. Я опустила козырек и, оградив себя от слепящих глаза лучей, пыталась разглядеть, кто же разгуливает прямо посреди трассы, рискуя быть сбитым каким-нибудь водилой-лихачом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.